

Счастливчики

...Что делать романисту с людьми ординарными, совершенно «обыкновенными», и как выставить их перед читателем, чтобы сделать их сколько-нибудь интересными? Совершенно миновать их в рассказе никак нельзя, потому что ординарные люди поминутно и в большинстве необходимое звено в связи житейских событий; миновав их, стало бы, нарушим правдоподобие.

*Ф. Достоевский,
«Идиот», ч. IV, гл. I*

ПРОЛОГ

I

«Маркиза вышла в пять, — подумал Карлос Лопес. — Где же, черт возьми, я это читал?»

Дело было в «Лондоне», на углу улицы Перу и Авенида; а время — десять минут шестого. Маркиза вышла в пять? Лопес помотал головой, чтобы отделаться от застрявшего в памяти обрывка, и попробовал свое «Килмес Кристалл». Пиво было недостаточно холодным.

— Когда тебя вырывают из привычной обстановки, ты как рыба без воды, — сказал доктор Рестелли, глядя на свой стакан. — Я, знаете ли, так привык в четыре часа пить сладкий чай мате. Поглядите на эту даму, вон она, выходит из метро, не знаю, видно ли вам, столько прохожих. Вот она, блондинка. Будут ли в нашем замечательном круизе подобные белокурые ветреницы?

— Сомневаюсь, — сказал Лопес. — Самые красивые женщины всегда плывут на другом пароходе, это рок.

— Ах, молодежь, какие вы скептики, — сказал доктор Рестелли. — Я уже вышел из возраста, когда свершают безумства, однако же не прочь развлечься время от времени. И оптимизм сохраняю, а потому захватил с собой в чемодане три бутылки грапы из Катамаркеньи и почти уверен, что у нас будет возможность насладиться обществом красивых девушек.

— Увидим, если поплывем, — сказал Лопес. — Кстати, о женщинах, как раз входит одна, достойная того, чтобы вы повернули голову градусов на семьдесят в сторону Флориды. Вот так... стоп. Та, что разговаривает с патлатым типом. Судя по их виду, они плывут с нами, хотя убей, если знаю, как выглядят те, кто плывет с нами. Может, возьмем еще по пивку?

Доктор Рестелли одобрительно кивнул. Лопес подумал, что в этом жестком воротничке и синем шелковом галстуке в фиолетовую крапинку он необыкновенно напоминает черепаху. А его пенсне подрывало дисциплину в национальном колледже, где он преподавал историю Аргентины (а Лопес — испанский язык), и выглядело столь значительно, что к владельцу пенсне прилепились несколько разнообразных кличек — от Черного Кота до Хохлатого Жаворонка. «Интересно, а какая кличка у меня?» — лицемерно подумал Лопес, он был уверен, что мальчишки удовольствовались чем-нибудь вроде «Лопес-грамотей».

— Красивое создание, — пришел к заключению доктор Рестелли. — Было бы недурно, если бы она оказалась в числе пассажиров. Какая перспектива — соленый морской воздух, тропические ночи, должен признаться, меня это весьма стимулирует. За ваше здоровье, коллега и друг.

— И за ваше, доктор и мой брат по удаче, — сказал Лопес и уполовинил свои пол-литра.

Доктор Рестелли ценил (сдержанно) своего коллегу и друга. На педсоветах он обычно не поддерживал педагогических закидонов Лопеса, упорно защищавшего ленивых бездельников и других, не столь ленивых, которые списывали на контрольных или же почитывали газетку во время объяснения битвы при Вилкапухио (а ведь какого труда стоит достойно объяснить, как этим испанцам

удалось так накостылять славному Бельграно). Но если не считать некоторой богемности, Лопес был великолепным коллегой, всегда готовым признать, что речи на 9 июля должен произносить доктор Рестелли, который в конце концов скромно сдавался на уговоры доктора Гульелметти и столь же сердечные, сколь и незаслуженные настояния преподавательского состава. Во всяком случае, очень удачно, что туристскую лотерею выиграл Лопес, а не негр Гомес или же преподавательница английского на третьем курсе. С Лопесом можно найти общий язык, хотя порою он впадал в чрезмерный либерализм, чуть ли не в постыдную левизну, которой доктор Рестелли не прощал никому. Но зато ему нравились девушки и бега.

— *Четырнадцать весен минуло тебе, и ты предалась веселой гульбе*, — пропел Лопес. — А вы почему купили лотерейный билет, доктор?

— Уступил домогательствам сеньоры де Ребора, дружище. Вы же знаете, как она умеет доставать. Вас ведь, наверное, тоже донимала? Но теперь-то мы ей благодарны, сказать по справедливости.

— У меня она вынимала душу восемь перемен подряд, — сказал Лопес. — Не дала прочитать отчет о бегах, какие уж тут бега, когда такой овод вопьется. И главное, не понимаю, какая ей корысть. Лотерея как лотерея, в общем-то.

— Ах, не скажите. Прошу прощения. Этот розыгрыш — совершенно особенный.

— А почему билеты продавала мадам Ребора?

— Предполагается, — с таинственным видом сказал доктор Рестелли, — что тираж предназначался для особой публики, скажем так, избранной. Возможно, государство, как в некоторых исторических ситуациях, призвало наших дам к благосклонному сотрудничеству. Ну и не хо-

телось, чтобы счастливики оказались в обществе людей, скажем так, низшего уровня.

— Скажем так, — согласился Лопес. — Но вы забываете, что эти счастливики имеют право осчастливить еще и троих членов семьи.

— Мой дорогой коллега, если бы моя покойная супруга и моя дочь, которая замужем за юным Робиросой, могли бы сопровождать меня...

— Ну, понятно, понятно, — сказал Лопес. — Вы — статья особая. Но оставим экивоки, если бы, к примеру, я сбрендил и пригласил с собою мою сестрицу, вы бы отнесли ее к людям низшего уровня, выражаясь вашими словами.

— Не думаю, что ваша уважаемая незамужняя сестра...

— Она тоже так не думает, — сказал Лопес. — Но она именно из тех, кто переспрашивает: «Чиво?» — и считает, что слово «блевать» — неприличное.

— Это и на самом деле несколько сильное слово. Я предпочитаю говорить «вырвало».

— А вот она отдает предпочтение выражению «вытошнило» или «еда назад пошла». А что вы скажете по поводу нашего ученика?

Доктор Рестелли забыл о пиве и выказал явное неудовольствие. Этого он понять не мог: почему сеньора де Ребора, женщина назойливая, но вовсе не глупая, которая в довершение всего еще кичилась своим довольно-таки знатным именем, могла так поддаться болезненному желанию распродать все билеты и опуститься до того, что предлагала их ученикам старших классов. И вот он, плачевный результат: по прихоти судьбы — такое встречается только в хрониках, а может, апокрифах казино Монте-Карло, — кроме Лопеса и его самого счастливый билет достался и школьнику Фелипе Трехо, худшему из клас-

са, тому самому, кто, скорее всего, и издавал глухие звуки определенного сорта на уроках аргентинской истории.

— Поверьте, Лопес, такому паскуднику не следовало разрешать плыть на этом пароходе. К тому же он несовершеннолетний.

— Он не только плывет, но и притащил с собою все семейство, — сказал Лопес. — Я узнал это от приятеля-журналиста, который брал тут интервью у тех, кого сумел выловить.

Бедный Рестелли, бедный достопочтенный Черный Кот. Теперь тень колледжа будет преследовать его все плавание, если, конечно, оно состоится, а металлическое ржание учащегося Фелипе Трехо отравит ему робкий флирт, праздник Нептуна, шоколадное мороженое и такие всегда забавные игры в спасение утопающих. «Если б он знал, что я пил пиво с Трехо и его пивной компанией на Пласа Онсе и что именно от них узнал про Хохлатого Жаворонка и Черного Кота... Бедняга, какое у него устаревшее представление о преподавательском племени».

— Это, быть может, добрый знак, — с надеждой сказал доктор Рестелли. — Семья утихомиривает. Вы так не считаете? Ну конечно же, считаете.

— Посмотрите, — сказал Лопес, — вон на тех близняшек, они вышли со стороны улицы Перу. А сейчас переходят Авениду. Видите их?

— Не знаю, — сказал доктор Рестелли. — Одна в белом, а другая в зеленом?

— Так точно. Особенно на ту, что в белом.

— Очень хороша. Да, та, что в белом. Хм, хорошие икры. Пожалуй, только чересчур семенит. Не сюда ли они?

— Нет, доктор, не сюда, они — мимо.

— Жаль. Знаете ли, у меня была подружка — такая же. Очень похожа на нее.

— На ту, что в белом?

— Нет, в зеленом. Никогда не забуду... Впрочем, вам это неинтересно. Интересно? Тогда еще по пивку, все равно до собрания остается полчаса. Так вот, эта девушка была из знатной семьи и знала, что я женат. Короче говоря, она все равно бросилась в мои объятия. Какие ночи, друг мой, какие ночи...

— Никогда не сомневался в вашей Кама Сутре, — сказал Лопес. — Еще пива, Роберто.

— Видно, у сеньоров ужасная жажда, — сказал Роберто. — Наверно, от влажности. В газете написано.

— Раз в газете написано, значит, чистая правда, — сказал Лопес. — Я начинаю понимать, кто будет нашими товарищами по путешествию. У них на лицах, как и у нас, оживление и недоверие. Поглядите, доктор, и сразу узнаете их.

— А почему недоверие? — спросил доктор Рестелли. — Эти слухи ни на чем не основаны. Вот увидите, отчалим точно, как обозначено на оборотной стороне билета. Лотерея имеет поручительство государства, это вам не какая-нибудь самодеятельная лотерейка. Билеты распространялись среди лучших, и даже странно предполагать возможность накладок.

— Я восхищаюсь вашей верой в бюрократический порядок, — сказал Лопес. — По-видимому, это коренится в упорядоченности вашей личности, скажем так. Я же, напротив, подобен турецкому сундуку, и у меня никогда нет никакой уверенности ни в чем. Нельзя сказать, что я не доверяю конкретно этой лотерее, но все-таки не раз задавался вопросом, не закончится ли все это как с «Хелрией».

— «Хелрия» — затея агентств, возможно даже еврейских, — сказал доктор Рестелли. — Название-то какое, если вдуматься... Я не антисемит, подчеркиваю особо, но

уже много лет замечаю, что повсюду просачивается эта нация, достойная похвал, если хотите, в других отношениях. Ваше здоровье.

— И ваше, — сказал Лопес, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. А маркиза на самом деле выйдет в пять? В дверь со стороны Авениды входили и выходили завсегдатаи. Лопес воспользовался тем, что собеседник задумался, по-видимому, над этнографическими проблемами, и огляделся вокруг. Почти все столики были заняты, но лишь за немногими царило настроение, выдававшее возможных участников предстоящего плавания. Стайка девушек столпилась у дверей, как обычно бестолково натыкаясь друг на дружку, смеясь и бросая взгляды на вероятных порицателей или поклонников. Вошла сеньора с целым выводком детишек и направилась в маленький зал со столиками, застеленными умиротворяющими скатерками, где другие матроны и мирные парочки поглощали прохладительные напитки или пирожные — словом, что-то вполне домашнее. Вошли парень (этот — да, наверняка) с очень хорошенькой девушкой (хорошо бы и она тоже) и сели рядом. Оба нервничали, но как ни старались смотреть друг на друга естественно, руки, крутившие бумажник или сигареты, выдавали их. А за стенами кафе Авенида буйствовала, как обычно. Громко, во всю мощь, рекламировали пятое издание чего-то, в рупор расхваливали что-то еще. Яростный летний свет заливал улицу в половине шестого вечера (в этот обманный час, как и многие другие, убежавшие вперед или оставшиеся позади), пахло бензином, раскаленным асфальтом, одеколоном и мокрыми опилками. Лопес еще раз подивился капризу Туристической лотереи, неразумно одарившей его. Только давняя привычка портеньо, жителя Буэнос-Айреса, — чтобы не сказать больше и не впасть в метафи-